

ДОЛОЙ ЛИТЕРАТОРОВ-СВЕРХЧЕЛОВЕКОВ!

«Я... выткнул из окна купца... и — сердце во мне закричало петухом!» (А. ВЕСЕЛЫЙ, «Потоков рождение». Статья в «Л. Г.» от 26 декабря 1934 г.).

Артем Веселый, талантливый и своеобразный писатель, вступаая в обсуждение вопроса об образе, мог бы поделиться с нами своим опытом.

Он мог бы рассказать, как он работал напр. над своим историческим романом о Ермаке. Но он этого не сделал.

Мимходом затронув вопрос об образе, Артем Веселый вышел на дорогу широких обобщений.

Интуиция и подсознательные ощущения поставлены А. Веселым в творческую «цель», как решающее звено. Ибо, по его мнению, — и писатель-то сам — «гражданин двух миров».

«Уменье — полдела», пишет А. Веселый в своей статье, совершенно неправильно ограничивая понятие умения только техническими, профессиональными навыками. Главное же, по его мнению, заключается в поэтической угадке. И вот такие «оазисы» ставят советского писателя, по словам А. Веселого, в один ряд с «безумными, детьми и остролюбленными».

Творческий процесс, — по мнению А. Веселого, — это сумма слагаемых, из которых многие не поддаются даже описанию. В конечном итоге творчество — это тайна; творчество — это удел избранных; о творчестве нельзя даже иногда и говорить так же, как и о процессе формирования образа — он не поддается анализу. «Обо всем этом очень трудно рассказывать, подобное нужно... чувствовать, любить и только тогда это может послужить художественным образом».

Творческую жизнь советского писателя А. Веселый склонен видеть совершенно в таком же вкусе: «...они (писатели) бесконечно долго плутают, падают, но все же, как завороченные, идут вперед...».

Чем внимательней читаешь эту статью, тем становится виднее: вот откуда-то появился старый колдун Айхенвальд, он прислушивается к петушиным крикам своего сердца, он начинает кликушествовать, и бубенчики на его колпаке звенят все громче.

В этой статье А. Веселого нельзя даже и заподозрить в марксизме. Начиная от заголовка статьи «Потоков рождение» и кончая «завороченным путем писателя», всюду А. Веселый пишет как идеалист. Он повторяет школярские прописи А. Воронского и его учителей — реакционных интуитивистов.

Роль разума и цели почти потаенна автором статьи. Нельзя же считать существенными несколько реверансов в их сторону, которые из приличия сделал А. Веселый?!

Значение идеи и историзма в формировании художественного образа преданы автором статье полному забвению.

Ни одной попытки материалистически объяснить формирование образа А. Веселый не сделал. Более того, он активно и по-«объективистски» выступил против идейности и социальной обусловленности такого понятия, как истина.

Артем Веселый пишет прямо: «Для историков — одношерстных по мировоззрению — истина однолика, ...а для настоящего художника — безразлично, умудренного опытом или начинающего (?!), — о чем бы он ни писал (?!), истина тысячеклика и в каждом лике — тысяча глаз и тысяча уст, и все они славят, выражаясь высоким стилем, самую глубинную правду и самую совершенную красоту».

Спрашивается, о какой «самой глубокой правде» и «самой совершенной красоте» поет свой гимн А. Веселый? Зачем он резко отделяет творческую работу ученого и политика от работы художника? Вероятно потому, что «идеала», звучащий в «сердце» художника, «божественен». Писатель — избранный, «вос-

стань», пророк, и видзь и внемли...», и т. д..

— Даже самый, что ни на есть начинающий, молодой писатель, о чем бы он ни писал, властен, по мнению А. Веселого, истину сделать «многоликой».

А. Веселый, воспевая истину, исходящую «из нутра», забыл о той конкретной истине, которая руководит и политиком, и ученым, и писателем. Но она вытекает из объективной действительности, вне всякой связи с «мистериями внутреннего монолога» некоторых интуитивистов.

Да, искусство «беззаветно», так же, как и любовь, но только с одной маленькою поправкой, которую забыл сделать Артем Веселый — если они вытекают из нашей классовой практики и практики советского писателя, если любовь сама явление не просто физиологическое, а идейно-эмоциональное.

Все это азбучные истины, но их, к сожалению, снова приходится повторять, слыша звон айхенвальдовских бубенцов.

Большевистских историков и ученых А. Веселый пренебрежительно именует «одношерстными по мировоззрению».

Значит ли это, что советский писатель может быть «идейно-многошерстным»?

Что это — обмолвка, неудачная формулировка, превратившаяся в политическую ошибку? Можно ли ее объяснить только неумением справиться с мыслью, которая «не всегда выразима», «гиперболична» для по-

воявленного и вульгарного шеллингианца?

Артем Веселый многое забыл, извлекая из себя этот «гимн петушиному сердцу».

Артем Веселый забыл слова Ленина, когда Ленин писал: «Долой литераторов-сверхчеловеков!». А. Веселый, гипертрофировал значение одаренности и интуиции в творческом процессе, забыл также слова Ленина о процессе познания, написанные им в «Философских тетрадах».

Многое предал забвению т. Веселый.

Вскочив на магнитное поле «священной интуиции», А. Веселый забыл также и о своей собственной работе над романом «Гуляй, Волга». Там-то писатель зарылся не только «модными интуициями» и предчувствиями; в той работе на А. Веселого накатывал не только «дух святой».

Как А. Веселый готовился писать роман? Предоставим слово ему самому:

«Зимами я дичал и ночевал в книгохранилищах, а с весны распускал парус и на рыбацкой лодке плыл по следам Ермака... За шесть годов перерыл гору книг, проплыл по русским рекам под двенадцать тысяч верст... («Гуляй, Волга», изд. МТП, 1934, стр. 301).

Воздвигнув над своей головой идеалистическую хоругвь, славословя «невывразимое» и «непознаваемое», т. Веселый оторвал теорию даже от своей собственной практики, а свои ошибочные утверждения вывел далеко за пределы вопроса об образе.

«Гимн петушиному сердцу» пролет чужим голосом.

В. СЕМЕНОВ.

ОТ РЕДАКЦИИ

Дискуссия о художественном образе развертывается плохо. Писатели и критики проявляют в этом деле нетерпимую пассивность, наводящую на мысль, что им нечего сказать по столь важному вопросу творчества. Имеющиеся высказывания Пильняка и Ар. Веселого неудовлетворительны. Они путаны, недостаточно серьезны и чужды марксизму. Ар. Веселый договорился до откровенно идеалистических положений по вопросам творчества.

Все это верно. Но какой можно сделать отсюда вывод? Только тот, что надо по-большевистски помочь литераторам и «Литературной газете» в этом вопросе. И вот тт. С. Нариньяни и Е. Воробьев решили «помочь». Но как? Увы, самым неподобающим образом. Смысл их статейки «Слово в прениях» (см. газету «Комсомольская правда» за 22 января с. г.) сводится к огульному и местами недобросовестному охаванию дискуссии о художественном образе, предпринятой «Литературной газетой».

Строго, по-менторски авторы статьи пишут: «дискуссия о художественном образе «Л. Г.» не смогла поднять до высот марксистского литературоведения». Пока не смогла, дорогие товарищи, факт. Но на какой высоте марксистского литературоведения стоит ваша собственная статья? Где в ней хоть одно положительное суждение, хоть одна дельная мысль по затронутым вопросам? Их не найдешь в статье, если даже искать с микроскопом. А наша критика должна не только указывать на слабые места работы и бить за них. Критика должна — и в этом ее основная задача — показать, как и что надо сделать.

Проблема рационального и интуитивного, выдвинутая еще А. М. Горьким на съезде писателей, далеко не такая легкая проблема, как это кажется тт. Нариньяни и Воробьеву. Пусть на они вместо скупых поправочек дадут марксистский ответ на

следующие, например, вопросы: а) как следует понимать ИНТУИЦИЮ и правомерно ли вообще это понятие в марксистской теории познания? б) в чем состоит и от чего зависит сила воздействия художественного образа на психику человека? в) в каком взаимоотношении друг к другу стоят художественный образ и слово (ср. язык художника)? г) существует ли вообще рациональная закономерность в построении художественного образа? Пильняк и А. Веселый отвечают, например, на последний вопрос отрицательно, и в этом их ошибка. Но возражать им надо, убеждая и доказывая, а не просто «сражая».

Вот, когда авторы «Слова в прениях» попробуют разрешить эти вопросы, но разрешить серьезно, а не по способу пустых сповопрений, они увидят, что сделать это не так просто, как изболочить «Литгазету» во «вредных взглядах».

А так их «Слово» может сослужить очень плохую службу нашему марксистско-ленинскому литературоведению, за которое словесно хотят бороться и Воробьев с Нариньяни. Разговаривать с писателем надо культурно и убедительно, если мы действительно хотим бороться, а голая «проработка» и «пришивание» ошибок вносит только недоразумения и путаницу в важный и полезный спор...

К сожалению, и печатаемая выше в общем правильно политически и методологически критикующая А. Веселого статья В. Семенова также не пытается ответить на поставленные нами вопросы.

А задача заключается именно в этом. Мы продолжаем дискуссию и будем стремиться обеспечить в ней широкое участие писателей.

Итоги дискуссии, как это и было нами указано в начале ее, мы подведем после заключительной статьи М. С. Шагинян.